

управління, громади, монастирі (а також кількість у них ченців/черниць), місії, братства, духовні навчальні заклади (а також кількість слухачів), періодичні видання. З 2004 року при підготовці статзвіту державний орган України у справах національностей та релігій уніфікував перелік релігійної мережі України, об'єднавши певні релігійні організації (які знаходяться в релігійній меншості) у підпункти «інші», у зв'язку з чим дослідники мають неповноцінну інформативну картину з цього питання.

В якості рекомендації зазначимо, що державному органу України у справах релігій при підготовці подальших статистичних звітів необхідно повернутися до стандарту статзвіту, який існував до 2003 року. Також зазначимо, що держорган України у справах релігій щорічно оприлюднює вказаний статистичний звіт, з якими можна безпосередньо ознайомитися у наукових виданнях та офіційних веб-порталах вказаного центрального органу виконавчої влади, а також з повною або частковою версією у виданнях громадських та релігійних організацій.

Розглянута в статті проблематика є перспективною для подальших досліджень. Наприклад, одним із напрямків дослідження може слугувати компаративний аналіз здійснення процедури статистичного обліку в пострадянських країнах, а також у країнах з розвинутою демократією, для подальшого втілення позитивних моментів вказаної процедури в український досвід.

Список використаних джерел:

1. Закон України «Про свободу совісті та релігійні організації» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=987-12>
2. Звіт про мережу церков і релігійних організацій в Україні станом на 1 січня 2006 року // Виконання обов'язків та зобов'язань України, що випливають із її членства в Раді Європі : Збірник матеріалів круглого столу / [редакційна колегія: І.В.Бондарчук – головний редактор та ін.]. – К. : Світ Знань, 2006. – С. 72-159.
3. Мережа релігійних організацій станом на 1 січня 2002 року // Церкви і релігійні організації України у 2001 році. Довідник / [редакційна колегія: В.Д.Бондаренко – головний редактор та ін.]. – К. : VIP, 2002. – С. 9-50.
4. Мережа релігійних організацій станом на 1 січня 2003 року // Церкви і релігійні організації України у 2002 році. Довідник / [редакційна колегія: В.Д.Бондаренко – головний редактор та ін.] – К. : VIP, 2003. – С. 10-49.
5. Мережа релігійних організацій станом на 1 січня 2004 року // Церкви і релігійні організації України у 2003 році. Довідник / [редакційна колегія: В.Д.Бондаренко – головний редактор та ін.]. – К. : VIP, 2004. – С. 10-55.
6. Релігійна мережа України. Таблиця змін з даними на 31 грудня відповідного року // Релігійна панорама. – 2010. – № 3. – С. 37-47.
7. Релігійні організації в Україні (станом на 1 січня 2012 р.) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://risu.org.ua/ua/index/resources/statistics/ukr2010>
8. Статистика [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.irs.in.ua/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=51&Itemid=79&lang=uk
9. Статистика релігійних організацій [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.scnm.gov.ua/control/portalmap>
10. Статистика релігійної мережі України у 2007 році // Реституція церковного майна : міжнародний та вітчизняний досвід : Збірник наукових матеріалів / [Держ. Ком. України у справах національностей та релігій, Нац. пед. ун-т ім. М.П.Драгоманова; Ред.-кол.: В.Андрущенко ін.]. – Київ : Видавництво «Світ знань», 2007. – С. 81-159.
11. У Державному комітеті у справах релігій. Офіційний вісник релігійні організації в Україні станом на 1 січня 2004 р. // Людина і світ. – 2004. – № 1. – С. 31-38.

УДК: 165

А. И. Афанасьев

НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ГУМАНИТАРИСТИКЕ

Підходи в гуманітаристиці, що орієнтуються на класичні канони науковості, розглядають метод в строгому сенсі, на відміну від розширювального нестрогого розуміння методу в інших підходах. Тенденція до посилення впливу перших підходів стикається з проблемою адекватності методу, подолати яку в плані зближення строгих і нестрогих підходів допоможе параметрична теорія систем.

Ключові слова: метод, гуманітаристика, загальна параметрична теорія систем, науковість.

Подходы в гуманитаристике, ориентирующиеся на классические каноны научности, рассматривают метод в строгом смысле, в отличие от расширительного нестрогого понимания метода в других подходах. Тенденция к усилению влияния первых подходов сталкивается с проблемой адекватности метода, преодолеть которую в плане сближения строгих и нестрогих подходов поможет параметрическая теория систем.

Ключевые слова: метод, гуманитаристика, общая параметрическая теория систем, научность.

Approaches in the humanities that focus on classical canons of science, consider the method in the strict sense, as opposed to the extended non-strict understanding of the method in other approaches. The trend towards increasing the influence of the first approaches to the problem is faced by the adequacy of the method, which can be overcome, in terms of convergence of strict and non-strict approaches, by parametric systems theory.

Keywords: method, humanities, general parametric systems theory, scientific character.

Термин «метод» употребляется в теоретических построениях как минимум в четырех смыслах. Во-первых, под методом понимается четкая последовательность шагов по достижению результата, что особенно характерно для строгих теорий классической науки. Как правило, это рационально заявленная и обоснованная последовательность действий с применением специальных средств и инструментальных операций. Среди общенаучных методов к таким относится, скажем, метод дедукции, среди специальных методов – метод спектрального анализа в физике или метод раскопок в археологии.

Во-вторых, метод рассматривают как совокупность требований, которые предъявляются к исследовательской деятельности и которые могут быть сформулированы с разной степенью строгости и определенности. Например, художественный метод понимается довольно определенно, но о строгости его применения говорить трудно.

В-третьих, методом может выступать сама теория, примененная для исследования, где последовательность шагов довольно условная, хотя бы в силу многообразия компонентов теории. Если теория строгая, то как метод она будет соответствовать классическим канонам науки, если нет, то она будет методом в четвертом смысле.

В-четвертых, методом нередко называют некоторый подход, представляющий собой одну или несколько идей, а последовательность и характер действий остается на усмотрение исследователя. В некоторых случаях подход и метод четко различаются, например, системный подход и системный метод, но чаще всего такого различия не проводят, что характерно для многих гуманитарных исследований.

Похоже, что в гуманитаристике можно обнаружить все четыре, если не более, смысла употребления термина «метод», которые обычно не различаются. С одной стороны, это следствие недостаточной развитости теоретических построений, с другой – неосознанное стремление гуманитариев придать статус научности своим рассуждением. В связи с этим возникает вопрос: оправдан ли в гуманитаристике термин «метод» исключительно в первом смысле или, другими словами, насколько возможны строгие научные методы в гуманитарных исследованиях? Анализ условий такой возможности и является целью статьи. Данная проблема актуализируется тем обстоятельством, что только в случае положительного ответа гуманитаристика или какая-то ее часть может быть отнесена к разряду наук.

Немало выдающихся авторов связывают гуманитарные науки с особыми методами, например, «понимающими». Ф. Шлейермахер указывал на необходимость созвучности состояния исследователя внутреннему миру другой личности [17]. В. Дильтей особо подчеркивал роль «перенесения-себя-на-место-другого», эмпатии, сопереживания, придавая интерпретации явный психологический оттенок [6, с.145-146]. Здесь метод понимается скорее в четвертом смысле, как некоторый подход. И хотя «методы», подобные эмпатии, скорее свидетельствуют об искусстве исследователя, чем содержат упорядоченный набор последовательных шагов, все же соответствующий уровень знаний обеспечивает возможность особого «вживания» в иную культуру. Это означает своеобразный настрой разума и чувств, когда исследователь понимает, что именно знает, видит и чувствует человек изучаемой культуры. Характерный пример приводит У.Эко, комментируя свой роман «Имя розы»: «Однажды на даче мы жгли костры, и жена укоряла меня, что я не смотрю на искры, как они взлетают к вершинам деревьев, к электрическим проводам. Прошло время. Она прочла главу о пожаре и спросила: «Значит, ты все-таки смотрел на искры?» Я ответил: «Нет. Но я знаю, как на них смотрел бы средневековый монах» [18, с.435].

Вживание в чужую культуру не может быть названо строгим методом исследования, тем более что в чистом виде оно невозможно, ибо невозможно переселиться в иное время, забыть

о собственной культуре, в которой живет и действует исследователь. Кроме того, не вполне ясно, как субъективное ощущение вживания и сопереживания перевести в интересубъективную, не зависящую от психологического состояния исследователя последовательность действий, составляющих метод в первом, строгом смысле.

Другим способом исследования, который присущ именно гуманитарному знанию, часто называют диалог культур. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом; между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [2, с. 334-335]. Ясно, что подобный диалог требует изучения языка иной культуры, форм поведения людей, смысла их символики, то есть высокого уровня знаний, получение которых требует немалого количества разнообразных методов. Но сам диалог, также как и эмпатия, не может быть сведен к определенной последовательности познавательных действий.

Методы «вживания» в иную культуру, диалога культур не могут быть названы научными методами, так как не указывают ту общезначимую последовательность шагов, которая всегда давала бы результат. Они близки к искусству, поэтому научными методами их можно назвать лишь в расширительном смысле. Как правило, их используют гуманитарные концепции с нестрогими требованиями к методу, к формулировке законов, ограничивающиеся нарративами, философскими метанарративами, лингвистическими фигурами и др. Здесь строгость метода подменяется эрудицией, интуицией, особым чутьем и другими выдающимися субъективными качествами исследователя.

Другие авторы акцентировали внимание на подходах, связанных с индивидуальностью объектов гуманитаристики. Так родилась концепция индивидуализирующих методов Риккерта, в частности, применительно к истории [9, с. 44-128], и идеографических методов Виндельбанда, где термин «метод», по существу, означает подход или совокупность требований.

Более строго выглядят герменевтические процедуры, особенно в попытках выработать конкретную методологию понимания, например, в социологии, психологии, антропологии, без обращения к общефилософским обобщениям. Разрабатываются критерии валидности герменевтических процедур, принципы адекватной интерпретации и др. Э. Бетти, например, в полемике с Г. Гадамером пытается, в отличие от философской герменевтики, придать «методологической» герменевтике черты строго работающего метода. Он формулирует специальные каноны. Среди них: требование соответствия реконструкции текста точке зрения автора и связанное с этим требование автономности текста как обладающего собственной логикой; необходимость ввести в метод исследования принцип так называемого герменевтического круга, когда единство целого проясняется через отдельные части, а смысл отдельных частей проясняется через единство целого; канон актуальности понимания, подразумевающий бессмысленность полного устранения субъективного фактора, поскольку для того, чтобы реконструировать чужие мысли, нужно соотнести их с собственным «духовным горизонтом»; канон смысловой адекватности понимания, или канон герменевтического смыслового соответствия, направленный на интерпретатора и требующий от него согласовывать собственную жизненную актуальность с толчком, исходящим от объекта. В этих канонах Бетти усматривал критерий правильности и объективности герменевтической интерпретации [3].

В подобных попытках проявляется потребность в уточнении методов гуманитаристики в целях повышения их строгости. Очевидно, что первое понимание термина метод как последовательности шагов считается более привлекательным, хотя каноны и требования Бэтти до этого уровня не дотягивают. Все же можно констатировать осознанное движение в указанном направлении. Бэтти в таких стремлениях не одинок. Ю. Хабермас предлагает осуществить рациональную реконструкцию условий интерпретации [14, с.51]. Э. Д. Хирш считает возможной объективную интерпретацию литературного произведения, исходящую из адекватного понимания авторского текста [13, с.122]. По-видимому, можно зафиксировать тенденцию гуманитаристики к ограничению термина «метод» первым смыслом.

По мнению сторонников единой методологии, гуманитарное знание должно быть связано с общенаучными методами, наличие которых будто бы является свидетельством научности гуманитаристики. Здесь метод понимается, как правило, в первом смысле, то есть как четкая последовательность действий. В этом плане особую группу методов составляют структурно-семиотические методы, претендующие на научное объяснение текста как определенным образом организованной знаковой системы [7]. Привлекательность такого методологического подхода вызывает к жизни попытки сблизить герменевтический и структурно-семиотический

анализ [8]. Структурно-семиотические методы близки к строгому пониманию метода и вместе с методами лингвистического анализа (метод синхронных срезов, дистрибутивный и трансформационный анализ и др.) в целом соответствуют классическим требованиям. Они позволяют соответствующие теории числить строго научными, практически ничем не отличающимися от естественнонаучных, особенно если там применяются математические методы.

С математическими методами в свое время связывались большие надежды онаучивания гуманитаристики, ведь стремление к строгости, однозначности и другим классическим общенаучным критериям не чужды и ей. Например, в XX веке лингвисты осознали, что язык представляет собой систему знаковых отношений, причем безразличную к физической природе знаков, объектов и отношений. Поскольку математика также занимается чистыми отношениями, и природа объектов здесь несущественна, стало ясно, что язык можно изучать математическими средствами. Правда, реальностью такая возможность стала лишь после того, как в XIX веке математика стала строить неколичественные абстрактные модели, применимые к более широкой сфере, чем отношения между величинами и пространственными формами. «Одним из результатов этой встречи было возникновение новой математической дисциплины – математической лингвистики, предметом которой стала разработка математического аппарата для лингвистических исследований» [5].

В то же время выяснилось, что математический аппарат применим только к устойчивым структурам языка, а устойчивы далеко не все из них, благодаря чему язык эволюционирует. «Наш обычный разговорный язык из-за присущих ему колебаний и несоответствий грамматического и психологического находится в состоянии подвижного равновесия между идеалами математической и фантастической гармонии и в непрерывном движении, которое мы называем эволюцией» [4, с.210]. По-видимому, к подобным эволюционным процессам математические методы не применимы. Однако на этом основании упрекать математику в том, что какие-то случаи она не охватывает, не имеет смысла. Для описания присущих языку эволюций нужны другие, возможно, не математические средства. Но именно четкое уяснение роли математических моделей, и вообще стремление к классическому идеалу теории, позволило бы ясно отграничивать в языке «фантастическое» от «математического» и находить те сферы, где нужны иные методы.

Итак, отмеченные научные методы и теории, как и применяемые там математические методы, не решают всех задач в гуманитаристике. Последнее обстоятельство подчас трактуется как невозможность или существенная ограниченность возможностей строгих методов в гуманитаристике: «Мы бессильны построить универсальную математическую модель даже самого «простого» и «поверхностного» явления духовной культуры – явления, которое люди сами вызвали к жизни и всё новые модификации которого они постоянно порождают. Причина банальна: нельзя сконструировать математизированную картину универсума, которым управляет множество относительно равноправных демиургов; кто-нибудь из них во что бы то ни стало отменит закон, установленный другим» [16, с.60]. Если это так, то строгие и нестрогие методы в гуманитаристике способны выявить разное, взаимоисключающее видение гуманитарных объектов. В таком случае их можно было бы рассматривать как взаимодополнительные в духе методологических идей Н. Бора. Но проблема научности гуманитаристики с нестрогими методами остается.

Очевидно, что немалое пространство гуманитарных исследований математическими и другими точными методами не покрывается по разным причинам. Среди них не последнюю роль играет проблема адекватности метода. Она особенно актуальна, когда методы одной теории используют в рамках другой. Адекватность метода обеспечивается выполнением, по крайней мере, двух условий. [15, с. 26-51, 65-66]. Во-первых, он должен быть релевантным проблемам соответствующей гуманитарной дисциплины, т. е. соответствовать смыслу решаемых в ней задач. Во-вторых, он должен быть дивергентным – существенно отличаться по используемым средствам, т. е. применять инородный язык и способы решения задач, не совпадающие с теми, которые привычны для профессионалов данной области знания. Здесь прослеживается аналогия с первоначальным использованием математики в физике. Однако применение самой математики в гуманитаристике ограничено, поскольку она, выполняя дивергентное условие адекватности, плохо выполняет релевантное. Математика не выражает чисто человеческие интенциональные и телеологические отношения и не интересуется отношениями вместе с корелятами, в данном случае межличностными отношениями [1, с.7].

Требованиям адекватности может соответствовать какая-либо общенаучная теория, например, теория информации и связи, теория знаковых систем и др. – в силу своего общенаучного характера. Вопрос только в том, насколько такие теории окажутся адекватными и насколько

большой и существенный массив проблем соответствующей гуманитарной дисциплины они способны охватить.

Представляются уместными в этом отношении общие теории систем. Ведь нет такой гуманитарной дисциплины, которая не говорила бы о системах общественной или личной жизни и деятельности, системах человеческих представлений, системах ценностей и норм, системах социального управления и т. п. Все они, так или иначе, используют соответствующую системную терминологию (понятия надежности, стабильности, центрированности, автономности, регенеративности, изоморфизма, синтеза систем и т. п.). Даже если принять тезис В. Дильтея о том, что гуманитарные науки, в отличие от естествознания, не объясняют, а понимают, то и в этом случае процедура понимания – это всегда целостное представление объекта, а целостность – одна из системных характеристик, причем такая, которая может быть измерена [12; 1, с.7].

Преимуществами перед другими теориями систем обладает общая параметрическая теория систем (ПТС) [11; 10], которая не только содержит достаточно строгие определения всех упомянутых понятий, но и устанавливает их корреляции (закономерности), не опираясь при этом на количественные представления, не всегда интересные гуманитаристике. А выполняя требование дивергентности, ПТС использует формальное неклассическое исчисление – язык тернарного описания (ЯТО) [19]. В любой из гуманитарных наук можно выделить системологическую проблематику, которая с помощью ПТС и ЯТО может получить адекватное представление и соответствующие номологические объяснения. Если идеалом «хорошей» науки остается количественный анализ, то граница наук строгих и не очень сохраняется, и общая параметрическая теория систем является одним из возможных путей их сближения [1].

Таким образом, можно констатировать, что различные подходы в гуманитарных исследованиях используют понятие «метод» в разных смыслах. Те подходы, которые ориентируются на классические каноны научности, рассматривают метод как четкую последовательность действий или используют строгие теории в качестве метода. Другие концепции рассматривают метод как совокупность не вполне четких требований, как нестрогую теорию, некоторый угол зрения или в другом расширительном смысле, что снижает или исключает научный статус соответствующих гуманитарных знаний. Тенденция к расширению влияния первых подходов сталкивается с проблемой адекватности метода, преодолеть которую в плане сближения строгих и нестрогих подходов поможет параметрическая теория систем.

Список использованных источников:

1. **Афанасьев А.И.** Научный статус гуманитарного знания / А. И. Афанасьев, А. Ю. Цофнас // Научный вісник Чернівецького університету: Збірник наук. праць. Випуск 561-562. Філософія. – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2011р., 263 с. – с.3-8.
2. **Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин – М.: Искусство, 1979. – 482 с.
3. **Бетти Э.** Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – 144 с.
4. **Выготский Л.С.** Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр. соч.: В 6 т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – С. 5-361.
5. **Гладкий А.Ф.** Размышления о взаимодействии лингвистики и математики // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/164549>
6. **Дильтей В.** наброски к критике исторического разума / В. Дильтей // наброски к критике исторического разума. – Вопросы философии. – №4. – 1988. – С. 135-152.
7. **Лотман Ю.М.** Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: Искусство – СПб, 1998. – С.14–288.
8. **Рикёр П.** Что меня занимает последние 30 лет // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/ricoeur/last.html>
9. **Риккерт Г.** Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт – М.: Республика, 1998. – 413 с.
10. **Уёмов А.И.** Общая теория систем для гуманитариев / А.И. Уёмов, И.Н. Сараева, А.Ю. Цофнас – Warszawa: Universitas Rediviva, 2001. – 276 с.
11. **Уёмов А. И.** Системный подход и общая теория систем / А. И. Уёмов – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
12. **Уёмов А.И.** К проблеме построения измерительной шкалы для определения степени целостности систем / А. И. Уёмов, Г.В. Штаксер // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 2002. – М.: Едиториал УРСС, 2002. (400 с.). – С. 7-33
13. **Фортунатова О.В.** Герменевтический метод Э.Д. Хирша / О.В. Фортунатова // Культура народов Причерноморья. – Том 39. – Филологические науки. – С. 119-123.
14. **Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас – СПб.: 2000. – 140 с.
15. **Цофнас А.Ю.** Теория систем и теория познания / А.Ю. Цофнас – Одесса: Астропринт, 1999.

16. Шапир М.И. «Тебе числа и меры нет». О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках / М.И. Шапир // Вопросы языкознания, 2005. – № 1. – С.43-62.
17. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер – СПб.: Европейский дом, 2004.– 242 с.
18. Эко У. Имя розы / У. Эко – М.: Кн. палата, 1989. – 496 с.– с.435.
19. Avenir I. Uyemov. The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: Parts 1-3 // International Journal of General Systems.– 1999, vol. 28 (4-5); 2002.– Vol. 31(2); 2003.– Vol. 32(6).

УДК 130.2

К. І. Алексєєва

СИТУАЦІЙНІ УМОВИ НАРАТИВНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ

Актуалізація ситуаційних умов наративної ідентичності є необхідним елементом конституювання особистісного досвіду. Цей досвід людина здобуває у горизонті свого повсякденного життєсвіту.

Ключові слова: ситуація, повсякденність, життєсвіт, подія, наративна ідентичність.

Актуализация ситуационных условий повествовательной идентичности есть необходимым элементом конституирования личностного опыта. Этот опыт человек приобретает в горизонте своего повседневного жизненного мира.

Ключевые слова: ситуация, повседневность, жизненный мир, событие, повествовательная идентичность.

Actualization of situational conditions of narrative identity is the necessary element of arising of our personality human-being. People acquire their experience in the horizon of their everyday life world.

Key words: situation, everyday life, life world, event, narrative identity.

© К. І. Алексєєва, 2012

Сучасний філософсько-антропологічний дискурс відмовляється від об'єктивістської та суто діяльнісної (активної) настанови у тлумаченні поняття світу. Світ не існує, а постає перед людиною під впливом мови, соціальних конвенцій та культурних схем. У такий спосіб відбувається наше залучення у звичний та обжитий життєсвіт, у горизонті якого ми віднаходимо і здобуємо свою ідентичність. Людина протягом свого свідомого життя діє у певних ситуаціях, структурними елементами яких є місцезнаходження, минулий седиментований запас знання, внутрішня часова свідомість та співіснування з Іншими. Сам факт породження ситуації відбувається у момент співвіднесення безпосередньо задіяного фрагмента життєсвіту з конкретним суб'єктом через надання цьому фрагменту особливої вагомості для суб'єкта.

Наша дійсність конструюється із життєвих ситуацій на підставі особистісного досвіду. Цей процес визначається як осмислення життєвої ситуації і сприйняття її на особистісному рівні. Він завжди внутрішній, і об'єктивується через певні культурно задані наративи. При цьому слід наголосити, що поняття ситуації актуалізує саме екзистенційна філософія, яка абсолютизує власний вибір і проект людини у подоланні або прийнятті ситуації. Отже, лише людина здатна виокремити ситуацію із потоку зовнішніх обставин і вмістити її у певну структуру свого життєсвіту. Такою структурою може виступати наратив або інша інтерпретаційна схема.

На сьогодні поняття ситуації вже давно набуло універсального неproblemатичного вжитку. У будь-якому регіоні нашого буття ми потрапляємо у ситуації і визначаємося у них. Вони є неунікним модусом, тлом або горизонтом нашого повсякдення. Осмислення такої ситуаційної динаміки актуалізувало необхідність ситуаційного аналізу, який має лягти в підґрунтя будь-якої гуманітарної розвідки. Методологічні принципи наратології посприяли виявленню контекстуальної взаємозумовленості поняття ситуації та її наративного вираження у дослідженнях Г. Арендт, М. Бахтіна, Г. Блюменберга, Г. Гарфінкела, Ж. Женета, Ю. Лотмана, П. Рикера, Р. Рорті, А. Шюца. На вітчизняних теренах суміжною проблематикою позначені теоретичні праці А. Богачова, Л. Газнюк, І. Голубович, В. Єрмоленка, А. Лоя, М. Мінакова, В. Приходька, В. Роменця, Н. Чепелевої, Н. Яковенко та ін. Критичні англомовні джерела зорієнтовані на нагальні суспільно-історичні розвідки ситуацій у контексті макрорівня (Б. Бабіч, Дж. Замміто, К. Кортні, М. Лінч, А. Фелд.).